

Режим доступа:

http://ruslan-sidorov.ru/publ/otzyvy/s_grinberg_my_byli_ego_sovremennikami_1_chast/2-1-0-21 ; http://ruslan-sidorov.ru/publ/otzyvy/s_grinberg_my_byli_ego_sovremennikami_2_chast/2-1-0-22 ; http://ruslan-sidorov.ru/publ/otzyvy/s_grinberg_my_byli_ego_sovremennikami_3_chast/2-1-0-23 ; http://ruslan-sidorov.ru/publ/otzyvy/s_grinberg_my_byli_ego_sovremennikami_4_chast/2-1-0-24 ; http://ruslan-sidorov.ru/publ/otzyvy/s_grinberg_my_byli_ego_sovremennikami_5_chast/2-1-0-25 ; http://ruslan-sidorov.ru/publ/otzyvy/s_grinberg_my_byli_ego_sovremennikami_6_chast/2-1-0-26.

МЫ БЫЛИ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

(1 часть)

С.И.Гринберг

Руслан Сидоров... Трагедия в Калачево... Мать потеряла единственного сына. Мы потеряли друга. Город потерял большого поэта.

Мы любили Руслана. «Он был моим другом», – это могут сказать многие. И все-таки, как я думаю, при всей своей общительности, при всей расположенности и благожелательности друзей и подруг, Руслан был глубоко одиноким, как всякий большой поэт. Похоже, мы не понимали, что дружим, разговариваем и смеемся, выпиваем-перекуриваем, идем по улице или сидим рядом с настоящим Поэтом, каких немного выпадает на одно поколение.

Наверное, нам еще предстоит осознать масштаб личности и таланта Руслана Сидорова. Надо, чтобы память о нем не осталась замкнутой в кругу его друзей и почитателей. Это зависит от нас. Есть простая истина: мы были его современниками.

Что бы я ответил, если бы спросили, чего я хочу и чего не хочу?

Я хочу, чтобы трагическая гибель Руслана Сидорова сплотила всех, для кого он был близким, всех, кто считал его своим другом. Хочу, чтобы все мы помнили и читали Руслана, собирались вместе, читали его стихи, делились своими воспоминаниями, помогали маме, Кларе Романовне.

Я не хочу, чтобы кто-то выпячивал свою исключительную роль в жизни Руслана или подчеркивал свою особенную близость к нему. У Руслана было много друзей, и каждый из нас – один из этих многих. Не хочу, чтобы на волне памяти о Руслане были поводы «лягнуть» другого: вот, дескать, я тогда-то говорил про Руслана хорошо, а этот в ответ говорил плохо, так давайте его затопчем. Не хочу, чтобы кто-то выставлял себя пророком и провидцем, всячески подчеркивая: «А я давно говорил... А я всегда говорил... А я сразу понял...».

Судьба сделала нам необыкновенно щедрый подарок – общение с тем, кто был отмечен божественным прикосновением, с настоящим Поэтом. Надо быть достойным звания его современника.

Гоголевка и «Дилижанс»

На многие годы поэтическая судьба связала Руслана Сидорова с «Дилижансом» – был такой клуб любителей поэзии в Гоголевке (была такая библиотека в городе). Он – один из основателей этого клуба, просуществовавшего почти пятнадцать лет. Не преувеличивая, можно сказать, что «Дилижанс» был для Руслана и домом, и семьей, и трибуной, и местом общения с друзьями. В свою очередь, «Дилижанс» во многом держался на Руслане Сидорове. Он проводил или как-то участвовал в проведении едва ли не трети всех дилижансовских вечеров.

Как поэта, Руслана знали и ценили в городе. На его вечера в «Дилижансе» народу собиралось раза в полтора-два больше обычного. Шли «на Руслана».

Своим человеком Руслан считался и в литстудии «Мастер-круг» в библиотеке. Да и сама библиотека имени Н.В.Гоголя, бывшая наша Гоголевка, Почетным читателем которой он являлся и из которой он, бывало, не вылезал целыми днями, была ему родной. В библиотеке есть то, что можно читать, а чтение для Руслана было важнее еды и воды. Знание, информация – вот в чём он был ненасытен. Его начитанность и эрудиция поражали. Разбирая его наследие, находим, например, тетради, где переписаны стихи современных авторов. Одна из записных книжек представляет собой конспект по античной философии. Есть большие выписки из работ русских философов – В. В. Розанова, Л. И. Шестова. Гоголевка была рабочим местом Руслана.

В одной из его многочисленных тетрадей есть набросок стихотворения, посвящённого библиотеке, – той, «неслитой» Гоголевке. Заметим, что слово «библиотека» Руслан пишет с большой буквы.

* * *

Хвала Библиотеке! В жизнь, когда

Всё вздорожало, книги и журналы –

Библиотеки бескорыстный дар.

И где ты, смерть? И где же твоё жало?

За жизнь не жизнь, а жизни пережить.

Подельник, соучастник и соавтор,

Я для Вселенной менее, чем атом,

И всё ж во мне Вселенная лежит:

Сто тысяч солнц и сонмы снов планет –

Иным ста лет не хватит облететь их.

И мало дела – моего здесь нет,

Во мне – моё, хвала Библиотеке!

Конечно, Руслан тяжело переживал то, что случилось с нашей Гоголевкой. Многим памятно бурное собрание в библиотеке 26 ноября 2012 года, на котором начальница управления культуры объявила о снятии директора библиотеки В. В. Скаленчук. В числе других было и эмоциональное выступление Руслана в защиту Веры Васильевны (цитирую по аудиозаписи):

– Если мы просто так вот согласимся – это же только первый шаг: вот взяли и просто человека уволили... И если мы сейчас скажем: ну, ладно, один человек – не сто, ну, поставили другого человека... Не-не-не-не! С этого все начинается...

«Это только первый шаг, с этого все начинается», – сказал Руслан. Напомню: тогда все были возмущены подлым увольнением директора библиотеки, и никто еще (кроме, видимо, начальницы всея городской культуры) не мог знать, что последует за этим. А последовала бульдозерная утюжка, которую ласково называли «оптимизация», слияние библиотек, сокращение или увольнение сотрудников, закрытие нескольких клубов, в том числе и «Дилижанса». Причем, специально клубы никто не закрывал, достаточно было создать условия, при которых они перестанут существовать.

«С этого все начинается», – так сказал Руслан. Теперь его слова кажутся пророческими. Все поэты немного пророки.

Когда стало ясно, что «Дилижанс» закроемся, Руслан сказал мне: «Я не представляю, как мы будем без «Дилижанса».

Я не представляю, как мы будем без «Дилижанса» и без Руслана Сидорова...

Уже после гибели Руслана его мама, Клара Романовна Сидорова, передала нам двойной тетрадный листок в клетку, на котором Руслан набросал грустно-оптимистическое стихотворение на закрытие клуба «Дилижанс». Спасибо Кларе Романовне за всё – за её жизнь, отданную учительству, за сына, за его стихи, за доброжелательное отношение к его друзьям, за предоставленную нам возможность разобрать его громадное рукописное наследие.

На закрытие клуба «Дилижанс»

Отличие сегодня от вчера

Порою незаметно и убого.

Но есть такие дни в судьбе любого,

Которые бывают только раз.

Сегодня день, который отличим

От предыдущих и грядущих буден.

Сто лет живи, но сколько ни ищи,

Такого дня у нас уже не будет.

Пусть фотокадр запомнит каждый час,

И каждую секунду память помнит.

И пусть порой слеза наполнит глаз,

Мы сердце благодарностью наполним.

Мы разойдемся скоро кто куда,

А встретимся, не встретимся – кто знает.

Но этот день, где вместе, – навсегда

Мы в памяти, как маленькое знамя

Победное, по жизни пронесем.

От всей души и сердца обращаясь,

Вам говорю: спасибо всем за всё...

И дай нам Бог: Любви, Удачи, Счастья!

Почести, популярность

Меня иногда поражало равнодушие Руслана к признанию, почестям, к печатанию его стихов. Это равнодушие не было показным, все это, действительно, мало его волновало. Он был не то чтобы скромным – он был каким-то не шумным, не высовывающимся, не привлекающим к себе внимания, и преображался, когда читал стихи или рассуждал о поэзии.

С его талантом и известностью в городе и области, имея три выпущенных сборника стихов, наверное, можно было претендовать на членство в Союзе писателей. Я не помню, чтобы Руслан когда-нибудь занимался этим или всерьез говорил об этом. Смутно помнится, как однажды в курилке на крыльце библиотеки кто-то начал говорить, что Руслану нужно начать что-то делать для вступления в Союз писателей. Руслан отмахнулся и не стал продолжать разговор.

(О, эта курилка на крыльце! Я бы назвал ее малым «Дилижансом» по аналогии с театром, где есть основная и малая сцены. Стихов там читалось, ну, разве что, немногим меньше, чем в основном клубе в творческой гостиной, а разговоры о поэзии были не менее зажигательными и, пожалуй, более раскованными и не всегда ограниченными – когда курили только мужчины – общепринятой лексикой.)

Руслана печатали в журналах, газетах, альманахах. Были статьи в прессе о его творчестве, о поэтических вечерах, которые он проводил, о публичных лекциях в Гоголевке. Друзья выкладывали стихи Руслана в Интернет. Его часто приглашали выступить на различных поэтических вечерах, и обычно он соглашался.

Мы, близко знавшие Руслана, конечно, считали его настоящим поэтом. А вот сам он на прямые вопросы («Считаешь ли ты себя поэтом?», «Когда ты

понял, что ты – поэт?») обычно отвечал уклончиво. Думаю, он осознавал себя поэтом и знал себе цену как поэту. Косвенное подтверждение этому можно найти в стихах.

Я вам пишу.

Я только вам пишу.

Кому же мне еще писать, читатель?

Я доверяю суть карандашу –

простому, твердому,

что пишет правду, кстати.

Дар «даром» – даром назван.

Заплатить

приходится по жизни.

Вплоть до смерти.

Рубашка вот последняя –

примерьте!

Мне налегке

По силам крест носить.

Я думаю... Что это значит: «Я думаю»?

Я думаю так: составляю слова.

С душою моей, сладкозвонкою душою,

Мы будем их в рифму в тетрадь рисовать.

Минутную фантазию облечь

В слова, что приглянулись предложеньям,

А те – строфе, а та – другой строфе,

Те – году, веку и тысячелетьям.

Мне не до маргарит – губа не дура.

Я сам себе – критерий мастерства.

Пока я есмь – поэзия жива.

Я из себя творю литературу!

Но пока со мною музы

Делят ложе, тьму и свет,

Недоучка, вне союзов –

Руська Сидоров поэт.

Да, Руслан понимал, что он Поэт. При этом, повторюсь, популярность и признание его мало заботили. Думаю, по большому счету, в жизни его по-настоящему интересовала лишь поэзия.

О зависти

Говорят, поэты завидуют чужому таланту и чужому успеху. Наверное, это не так, и завистников среди поэтов не больше, чем среди представителей других профессий. Но вот чего начисто был лишен Руслан, так это зависти.

Вот что написала поэтесса из поселка Каменный Ключ Людмила Иванова, узнав о гибели Руслана. Она была победительницей поэтического фестиваля в Прокопьевске в октябре 2012 года, там и познакомилась с Русланом, который был членом жюри.

«... Я видела его тогда на этом конкурсе поэтическом в октябре, он же был в жюри, он так искренне, так хорошо радовался за меня, удивлялся даже. Это вообще-то очень редко в среде людей, причастных к поэзии, или которые думают, что они к ней причастны... Руслан просто как-то по-детски радовался, что – вот, у человека стихи. Мы с ним вместе под гитару Высоцкого пели – «Я вышел ростом и лицом»...»

Мы в «Дилижансе» тоже не раз были свидетелями того, как радовался Руслан, когда слышал или читал чьи-то хорошие стихи. Именно по-детски, заразительно, искренне радовался: смеялся, хлопал себя по коленкам. Добавлю, так же он обрадовался, когда однажды были прочитаны стихи Людмилы Ивановой.

На поэтических вечерах, которые проводил Руслан, он не стремился сконцентрировать внимание на себе, на своем выступлении, всегда просил присутствующих поучаствовать, почитать стихи или сказать свое мнение. Да и сами вечера он, бывало, проводил «в соавторстве», то есть предлагал кому-нибудь из нас вести вечер вместе с ним. Ведущий поэтического вечера имел возможность не только рассказать о любимом поэте, но и высказать свои взгляды, показать свои знания, эрудицию, если хотите – «показать себя». Нужны ли здесь соавторы? Руслану были нужны. По его предложению несколько поэтических вечеров мы провели с ним вдвоем. Увлечись творчеством Веры Полозковой, он организовал вечер ее поэзии, который проводился тремя ведущими: самим Русланом, Анастасией Русских и Светланой Черкеевой.

Творческие вечера

Авторские вечера Руслана Сидорова в «Дилижансе» устраивались один-два раза в сезон. Один – обязательно – в конце ноября. Это была традиция, т.к. 30 ноября у Руслана день рождения.

В ноябре 2008 года Руслану исполнялось 40 лет. Его творческий вечер 25 ноября был запоминающимся.

Из статьи А.Шпрингера («Кузнецкий рабочий», 8 декабря 2008 г., № 148):

«Вечеру смело можно было бы дать название «Времена года», я бы даже сказал – «Поэтические времена года». Именно в таком порядке были выстроены стихи – о весне, лете, осени, зиме, причем, не только как о календарных временах года, но и как о разных состояниях души человека, его взгляда на мир, его бытия в мире.

Сложно писать о поэзии Руслана содержательно, но кратко... Это очень необычные стихи – необычные своими неожиданными формальными находками, глубиной и многоплановостью смысла, одновременно простыми и сложными образами, которые, цепляясь один за другой, уводят нас куда-то далеко...»

Похоже, «Времена года» – любимая форма поэтического рассказа у Руслана. Он не раз прибегал к ней.

Да, в этот вечер Руслан, казалось, превзошел самого себя. Читал и комментировал, отвлекался, рассказывал, снова читал. Я тогда впервые услышал четверостишие, которое впоследствии разошлось на цитаты и стало одной из «визитных карточек» Руслана:

Не умереть от жажды – есть вода.

Не умереть от счастья – есть беда.

Не умереть от скуки – есть грехи.

Не умереть от жизни – есть стихи.

(Как это перекликается с услышанным когда-то афоризмом неведомого мне автора: «Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины!»)

И хотя день рождения у Руслана еще не наступил, а заранее поздравлять не принято, на вечере было много поздравлений «с наступающим днем рождения!», много добрых пожеланий и шуток.

Было, например, объявлено, что он, Руслан, вступает в последнее десятилетие поэтической молодости. Потому что про сорока-, сорокапяти-, сорокавосьмилетнего еще говорят «молодой поэт». После пятидесяти – уже нет. Так что «веселимся же, пока мы молоды!».

Я тоже поздравил Руслана, сказал ему добрые слова и заявил, что намерен вручить ему подарки. Но это дело нельзя пускать на самотек, есть правила и определенный регламент вручения подарков. «Вот, например, – продолжал я, – проводится конкурс красоты. Что вручается победительницам? Правильно: машины, выгодные контракты, путевки во Францию и Италию. А вот проводится конкурс «Учитель года» или бенефис артиста или поэта. Что дарят в этом случае? Правильно: блокнот, авторучку, книгу (очень кстати вспоминают, что книга – лучший подарок). Итак, будем придерживаться регламента: вот тебе, Руслан, блокнот, вот авторучка, а вот книга». С этими словами я вручил Руслану все три регламентированных подарка.

Моя болтовня влилась в общую атмосферу, веселую и непринужденную.

Добавлю, что книга, которую я подарил Руслану, называлась «Мой Уитмен», автор – К. Чуковский.

Через некоторое время Руслан сказал мне: «А твой блокнот я уже исписал». Следующий блокнот я подарил Руслану только через четыре года, на его последнем авторском вечере 27 ноября 2012 года. Вечер тоже назывался «Времена года».

МЫ БЫЛИ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

(2 часть)

С.И.Гринберг

И. Бродский

Иосиф Бродский... Непреходящая и неизбывная любовь Руслана, кумир и властитель его дум. Повесть под названием «Бродский и Сидоров» имеет многолетнюю продолжительность. Авторитет Руслана, как знатока поэзии И.Бродского, был общепризнан.

В «Дилижансе» Руслан много раз предлагал: каждый сезон проводить вечер поэзии Иосифа Бродского. Предложение это так и не было принято ввиду его очевидной бессмысленности: и без официального утверждения Руслан проводил вечера, посвященные своему кумиру. Не считая того, что стихи И.Бродского звучали и по другим поводам: во время «Свободного микрофона», например, или за чаепитием, или в курилке на крыльце библиотеки.

В 2006 году у Руслана вышел сборник стихов «Второе дыхание». По этому поводу в «Дилижансе» устроили его презентацию. Мы шли на встречу в хорошем настроении – предстояло послушать Руслана и приобрести его новую книжку. Я приготовил подарок – вырезал из журнала цветной снимок Иосифа Бродского и вставил его в самодельную рамку. Получился портрет, который можно поставить на стол или повесить на стенку.

Вечер прошел замечательно, как и все вечера Руслана. Правда, выяснилось, что у него с собой всего один сборник, и подарить его кому-либо он не может. Я ощутил легкое разочарование – очень хотелось заполучить новую книжку Руслана. И тут меня осенило. Поздравив Руслана с выходом поэтического сборника, я показал ему портрет И.Бродского и сказал: «Руслан, я хотел подарить тебе этот портрет, но передумал. Предлагаю меняться». – «Легко!», – не задумываясь, ответил Руслан. На это и был расчёт. Понятно, что за портрет своего кумира он может отдать многое. «Меняю на твой сборник», – продолжал я. Руслан протянул книжку, а я взамен отдал портрет.

Так я стал обладателем сборника стихов «Второе дыхание». Не совсем честным путем, понимаю.

На похоронах Руслана я видел этот портрет И.Бродского, он стоял в шкафу среди книг...

Люблю стихи Руслана, обращенные к Иосифу Бродскому. Это разговоры младшего со старшим, это почитание, это боль и благодарность, это размышления и сопричастность к поэзии.

... На Гринвич Вилледж, где обретался жрец языка,

Зайди, поклонись, если сможешь, то скрипни дверью.

Он откликнулся, когда заходила треска.

А потом устал, переехал на Сан-Микеле...

Ну, как там тебе, Там, язычник языка?

Считал, что пустота, а что на самом деле?

Не уважавший ложь, словесный музыкант,

Васильевский ты все ж сменил на Сан-Микеле.

Чем больше тебя нет, тем больше тебя есть

В душе моей и здесь: в миру, на книжных полках.

Твой благовест стиха, по мне, – Благая Весть.

И сердцу без него и холодно, и колко...

Ты Дедал мой. И то, что ты дал мне, – мое.

Не отдам, но с охотой большой потеряю.

Ибо чем веселей в полдень золото льет окоем,

Тем и искус сильней – улететь за границы окраин...

«Стихи, которые ты помнишь наизусть, – твои стихи», – часто говорил Руслан. В одной из его тетрадей есть короткая запись: «Стихи наизусть – это ваши стихи». Похоже, это было его твердым убеждением – если какое-то стихотворение запомнилось, оно принадлежит тебе. (Интересно, сколько же в таком случае стихов принадлежало самому Руслану, помимо его собственных? Имея прекрасную память, он знал наизусть сотни, если не тысячи стихотворений самых разных поэтов – известных, малоизвестных и совсем не известных).

В апреле 2012 года Руслан провел в «Дилижансе» вечер, где читал стихи своих любимых поэтов. И название придумал замечательное: «Стихи, которые помню наизусть». В этот раз звучали поэты, которых Руслан любил давно и непоколебимо, – Т. Кибиров, Б. Чичибабин, О. Мандельштам, Л. Стафф, В. Павлова, Б. Рыжий... Много мы тогда услышали: прекрасные стихи с короткими пояснениями Руслана, рассказы об авторах, искрометные экскурсии по самым разным поводам, его оригинальные суждения о поэзии.

Поэтический вечер Руслан закончил стихотворением, автора которого я предлагаю угадать с трех раз. Да, конечно, это был Иосиф Бродский, и это был шедевр «Осенний крик ястреба».

Большое произведение со сложной звукописью и композицией, наполненное образами и ассоциациями, Руслан читал наизусть:

Северо-западный ветер его поднимает над

сизой, лиловой, пунцовой, алой

долиной Коннектикута...

С каждой строчкой голос Руслана становился тверже, взгляд – о отстраненнее, сам воздух, казалось, наэлектризовывался.

... Но восходящий поток его поднимает вверх

выше и выше. В подбрюшных перьях

щиплет холодом. Глядя вниз,

он видит, что горизонт померк...

«Дилижанса» уже не было. Не было нас, не было стен и окон, не было времени. Было только потемневшее лицо Руслана и голос, заполнивший все пространство. Был только трагический ястреб, чей крик звучал в недружелюбном космосе.

... Пронзительный, резкий крик

страшней, кошмарнее ре-диеза

алмаза, режущего стекло,

пересекает небо...

Руслан закончил. Мы были потрясены. Опомившись, как от гипноза, бросились к нему с поздравлениями и благодарностями. Но Руслан нас не видел и не слышал, он был напряжен, тяжело дышал, на лбу собрались капельки пота. Он весь был там, в «сизой, лиловой, пунцовой, алой» долине Коннектикута, он сам был одиноким ястребом. Похоже, он испытал (да и мы все вместе с ним) сильное эмоциональное потрясение. И даже в курилке на крыльце, куда его утащили, он не сразу смог говорить и отвечать.

Это всерьез обеспокоило нас. «Руслан, так нельзя!», – сказал я, имея в виду состояние, до которого он довел себя, читая «Ястреба». Руслан посмотрел на меня, и мы оба улыбнулись, прекрасно поняв друг друга: только так и можно читать Бродского. И никак иначе!

В конце каждого года «Дилижанс» обычно устраивал вечер новогодних, рождественских и просто «зимних» стихов. И здесь у Руслана, да и у всех нас, была прекрасная возможность «отвести душу» и вдоволь почитать Иосифа Бродского. Известно, что И.Бродский в разные годы писал стихи к Рождеству. Конечно, на этих вечерах читали разных поэтов, в русской поэзии стихов на зимнюю тему предостаточно. И «Рождественская звезда» Б. Пастернака – прекрасная поэтическая иллюстрация к евангельскому сюжету – не была забыта.

Если не Руслан, то кто-нибудь другой (опасливо поглядывая на Руслана), обязательно читал Иосифа Бродского:

Волхвы пришли. Младенец крепко спал.
Звезда светила ярко с небосвода.
Холодный ветер снег в сугроб сгребал.
Шуршал песок. Костер трещал у входа...

Или:

Спаситель родился в лютую стужу.
В пустыне пылали пастушьи костры.
Буран бушевал и выматывал душу
из бедных царей, доставлявших дары...

Или:

Неважно, что было вокруг, и неважно,
О чем там пурга завывала протяжно,
Что тесно им было в пастушьей квартире,
Что места другого им не было в мире...

Или знаменитый «Рождественский романс» – первое из рождественских стихотворений с посвящением Е.Рейну:

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих...

Чаще других почему-то звучало стихотворение «24 декабря 1971 г.» с его «вальсовым» ритмом:

В Рождество все немного волхвы.

В продовольственных слякоть и давка.

Из-за банки кофейной халвы

производит осаду прилавка

грудой свертков навьюченный люд:

каждый сам себе царь и верблюд...

На одном из таких вечеров кто-то прочел рождественское стихотворение Иосифа Бродского 1989 года:

Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере,

используй, чтоб холод почувствовать, щели

в полу, чтоб почувствовать голод – посуду,

а что до пустыни, пустыня повсюду...

Прочитавший рассказал о своем впечатлении: И.Бродский, обращаясь к читателю, просит его лучше представить обстановку в пещере, где родился Спаситель. «Используй, чтоб холод почувствовать, щели в полу, чтоб почувствовать голод – посуду». А пустыню и представлять не надо – «... а что до пустыни, пустыня повсюду». Каким ледяным одиночеством наполнены эти слова!

Внимательно слушавший Руслан настолько обрадовался такому пониманию стиха, что вскочил с места, подбежал к читавшему и в порыве чувств пожал ему руку. «Как здорово ты понимаешь Бродского!» – радостно воскликнул он. В этом весь Руслан – его восхищал не только Бродский, но и каждый, кто читал и старался понять великого изгнанника.

Слово, звук

Слово, звук, образ – святыне для Руслана понятия. Слова, словосочетания, фразы, пришедшие ему в голову, нередко становились частью стихотворения.

... После вечера в «Дилижансе», не спеша, гуляя, идем небольшой компанией. Тепло. Руслан оживлен, что-то рассказывает:

– Мне в голову пришло что-то вроде клятвы: «Навсегда! До гроба! До завтра!» Интересно, правда? Надо обязательно вставить в стихотворение.

Проходит какое-то время, и Руслан на крыльце декламирует написанное четверостишие:

Любовь разнолика, как счастье.

Но все ж со времен динозавров

Все те же звучат обещанья:

Навечно! До гроба! До завтра!

... Крыльцо библиотеки. Перекур. Руслан оживленно рассказывает:

– Я нашел слово. И оно, и противоположное ему означают одно и то же.

– Что за слово? – спрашиваем мы.

– «Истово» и «неистово», – торжественно объявляет Руслан. Радует, как ребенок, счастливой находке.

Мы задумываемся. Действительно, «истово» и «неистово» – синонимы. И в то же время антонимы. Молодец, Руслан! Чудак, Руслан, надо же придумать такое!

В другой раз он по ходу какого-то разговора замечает:

– Вот интересно: «светило» – это и глагол, и существительное.

Эти руслановские мимолетности забылись бы со временем. Но вот в его сборнике «Второе дыхание» читаем искрящееся весеннее стихотворение:

С утра светило истово,

лучисто и неистово

светило. Голосистые

совсем сошли с ума

в любовное безумие,

в многотональных зуммерах.

Все означало в сумме, что

закончилась зима...

На эту же тему: очень смутно помнится, как Руслан что-то похожее говорил про слово «голубей», дескать, это и существительное во множественном числе, и сравнительное прилагательное. (Откуда же мы знали, что надо было запоминать или записывать мимолетно сказанное Русланом, его оригинальные суждения, его афористичные мысли?)

А вспомнилось это, когда обратил внимание на строки из сборника «Второе дыхание»:

Вот голуби в проруби глыбы небес

взмывают – и будто их нету.

Ведь нету ответа на «Что голубей:

чета голубей или небо?»

Уже после гибели Руслана нечто подобное не раз находил в его тетрадях:

Дар «даром» – даром назван.

Заплатить

Приходится по жизни.

Вплоть до смерти.

Возможно, кому-то Руслан и говорил, что слово «даром» имеет не одно значение. Делился своей очередной находкой. А может, и нет...

Иногда испытываешь ощущение, будто Руслан играет словами и звуками, как ребенок кубиками. Однако это не так. Это не было самоцелью. Он хорошо разбирался в литературоведческих премудростях, и все эти омонимы, омофоны, антонимы, паронимы органично входили в его стихи, не выпячиваясь, как специальные литературные приемы.

То же самое можно сказать и о звуковой организации его поэзии, в частности, о применении такого приема, как аллитерация – звуковое повторение. Можно увидеть, как мастерски в поэзии Руслана Сидорова используются повторы звонких (б д г л), глухих (к т), свистящих

(с з), шипящих (ш ж ч) звуков, а также их сочетаний (нг лс гл дн кр).

... Одним дано одно. Другим – другое...

... и крошат реку кролем крылья-руки...

... Ворон каркает: «Браво!» и вторят вороны: «Ура!»...

... А за окном: «пить-пить» –

Свирели свиристящих свиристелей...

... В общественном транспорте тесно, темно...

... Вот четкая и честная черта

из точки в точку...

Ночь. Кочерги нога

чертит в печи круги...

... удалившись от ливней лишнего...

... поднабывчившись в быдлые будни...

Надолго к гласу Логоса оглох...

Аллитерация, ассонанс (повтор гласных звуков), использование корневых рифм, тяга к опоясывающей рифмовке и другие поэтические средства специфически украшают поэзию Руслана и делают ее узнаваемой. В целом же поэтическая система Руслана Сидорова требует серьезного литературоведческого анализа.

Отдельного исследования ждет язык его стихов, богатый и своеобразный. Использование архаизмов и прозаизмов, «высокого» стиля, неологизмов и сленга, присутствие в стихах образов мировой культуры, расшифровка «темных» (т.е. непонятных) мест и скрытого смысла – все это ждет своего исследователя.

МЫ БЫЛИ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ (3 ЧАСТЬ)

С.И.ГРИНБЕРГ

А. Пушкин

Одной из многочисленных маленьких традиций в «Дилижансе» были пушкинские чтения, которые устраивались ежегодно в день рождения поэта. В конце мая закрывался очередной сезон, а 6 июня проводился вечер (иногда это бывало и днем), посвященный А.С.Пушкину.

Тема «Пушкин и Сидоров» может быть закрыта одним коротким предложением: «Пушкин не числился среди любимых поэтов Р.Сидорова». Как это ни покажется странным. Но все не так просто. Не надо думать, что он не любил Пушкина. У каждого причастного к поэзии есть поэты любимые. У Руслана это были О.Мандельштам, Т.Кибиров, Б.Чичибабин, В.Павлова, Р.Фрост, В.Шимборска, Л.Лосев и, наверное, еще многие другие (про И.Бродского я даже не упоминаю – это само собой разумеется). Это не означает, что других поэтов Руслан не любил.

Помню интересную фразу, сказанную как-то им: «Почему считается, что только Пушкин – «наше всё»? Я считаю, что, например, Цветаева – тоже «наше всё».

Если отношение Руслана к Пушкину нельзя определить однозначно «любил – не любил», то одно пушкинское стихотворение он, несомненно, любил. Это неопубликованное «Из Пиндемонти» 1836 года. (На самом деле, конечно, не одно, но речь сейчас о нем). Руслан не раз читал его на пушкинских вечерах:

... Никому

Отчета не давать, себе лишь самому

Служить и угождать; для власти, для ливреи

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;

По прихоти своей скитаться здесь и там,

Дивясь божественным природы красотам,

И пред созданьями искусств и вдохновенья

Трепеща радостно в восторгах умиленья.

Вот счастье! вот права...

Эти строки были созвучны поэтическому мироощущению Руслана. Это не я, это он сам сказал.

Читая его стихи, нередко встречаешься с Пушкиным. В строчках, а иногда и эпиграфах Руслана великое множество парафраз, намеков и цитат из пушкинских произведений.

... тут Фортуна

Вела меня на «встретил Вас»...

... я Вас читал, я Вам пишу, – а значит,

Вы очень близко, очень высоко.

... ведь мы вернулись с войны,

Чего же боле,

Что я могу еще сказать:

Держись, Сереж, суши глаза...

... Вот оно, очей очарованье!

Память есть искусство забыванья

Прошлого, плохого, в нем утрат.

Здравствуйте, унылая пора!..

... Согревая толстолистный фикус

(Пушкин, не любивший букву «фиту»,

Вряд ли бы поставил фикус в стих.

Я поставлю, он меня простит)...

Пока не требует поэта

к священной жертве Аполлон,

он с Дионисом бродит где-то,

презрев приличья и закон...

... Союз креста известно с кем.

Значенья сблизились занятно.

Подушка. Кружка. Пушкин. Няня.

Мед звука слов на языке.

... Скоро снег – Покров, тишина – мороз.

Крестьянин станет торжествовать...

... и всех серьезней – над надмирной ватой –

Поэзия должна быть глуповатой...

... ешь на здоровье с горбушкой ржаной,

что еще нужно к покою и воле?..

... Друг парадоксов, однако не гений;

Бедный, но вот ведь опять не Евгений...

Не продается вдохновенье,

Но можно рукопись издать...

Это малая часть пушкинских мотивов, которые я встретил в стихах Руслана. Их десятки, а может, сотни.

В поэзии Руслана постоянно встречаются образы и цитаты из разных поэтов – Г.Державина, А.Грибоедова, М.Лермонтова, Ф.Тютчева, Н.Некрасова, У.Шекспира, М.Цветаевой, Б.Пастернака, О.Мандельштама, С.Есенина, И.Бродского и других. Преобладание пушкинских образов – подавляющее.

Поэтому неправильно будет говорить, что Руслан не любил Пушкина. Просто были поэты (И.Бродский, М.Цветаева), которых он любил больше. А главное – он хорошо знал всего Пушкина: стихи, прозу, письма.

Вот что интересно: мое знакомство с Русланом связано именно с Пушкиным. И с Тютчевым. Я впервые пришел в «Дилижанс» в конце 2003 года на вечер, посвященный двухсотлетию Ф.И.Тютчева. В числе выступавших был Руслан. Он рассказывал, как А.С.Пушкин в 1936 году напечатал 25 стихотворений Тютчева в своем журнале «Современник». На том вечере Ф.И.Тютчева, мы и познакомились.

Белый стих

К белым стихам Руслан относился настороженно, чтобы не сказать – отрицательно, и не раз говорил это. Вот что сказал он на одном из «Дилижансов» (по аудиозаписи):

– Когда у меня есть повод на эту тему высказаться, я всегда говорю, что белый стих или вольный стих – это не совсем поэзия. То есть это где-то там, на обочине. Хотя несколько стихов, так называемых белых, я и сам помню наизусть и считаю их поэзией.

Однажды он прочел один из белых стихов Иосифа Бродского (кажется, это был «Ангел» 1990 года) и предварил его репликой:

– Бродский редко писал верлибры, но уж если писал, то шедевры.

При всем при этом сам Руслан иногда писал верлибры. Боюсь хвалить или критиковать, но, как мне кажется, по мысленасыщенности они не уступают его рифмованным стихам. В подтверждение хочу привести три его белых стиха из записных книжек.

* * *

Все шатко, все подвержено, все валко.

И полон рот хлопот отнюдь не полон.

И легким бубенцом звучат коронки

Из желтого блестящего металла.

И это так понятно, так понятно,

Особенно на переходе в осень,

Особенно на перекрестке мушки,

Особенно в углу, лицом к стенам.

Все это вообще. А в частном, впрочем,

Сначала так: в числителе мыслитель,

А в знаменателе немислимая жизнь.

И частное во временном пределе

Всеобщему равно. И это – жизнь.

* * *

Все реже улыбаюсь сам себе.

Начать таким стихом стихотворенье

Прилично было б двести лет назад.

А нынче нет. Что вдруг? Мы изменились.

Кто это «мы»? И я смотрю в окно.

Октябрь подошел к тридцатым числам.

Больное ноябрем пустое небо

Уже полно еще незримых звезд,

И точно осень желтым догорает.

Кто это «мы», и что меняет нас

За двести лет и за одно мгновенье?..

* * *

Вот так уж получилось. Я стою

На этом плоском плоскогорье мира.

Мне говорят, что это котловина,

Но, глядя в небо, думаю иначе

И утверждаю: там, где я стою,

Не крутизна, а плоскость плоскогорья.

И если небо взглядом ты измерил,

То горы – это даже не морщины,

А так, песок и камень.

Вот так уж получилось. Я стою

На этом самом месте, глядя в небо.

И это хорошо, что у меня

Есть почва под ногами – небо ближе.

МЫ БЫЛИ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

(4 ЧАСТЬ)

С.И.ГРИНБЕРГ

Занимательная энтомология

Никогда не замечал у Руслана какого-то особого интереса к насекомым. Фауна в его стихах присутствует – рыбы (рыбалка), птицы, кошки, собаки. Но насекомые... Разве что комары в лирических стихах о природе да иногда – стрекозы, кузнечики, пчёлы. Тем интереснее было в черновиках Руслана прочитать три стихотворения, героями которых являются представители этого мелкого, но многочисленного племени – комар, муха и паук.

Комар в декабре

Десятое. Декабрь. И – комар!

Немыслим. Но он есть. И беспокоит.

Впервые срифмовал «комар – зима».

С ума сойти! Бывает же такое!

Комар. Декабрь. Минус двадцать семь.

Реальный. С носом. С крыльями. Непьющий.

(Кто ж ему даст?) Летающий. Поющий.

То домолет. А то вот – домосед.

Похож на разум Будды! Пуст внутри.

Сидит, ногами чешет крыльев перья.

Вдруг, как душа, – лишь слышен, но незрим.

Абсурден, потому и достоверен.

Загадочности серый кардинал:

Вновь очевиден, но – невероятен.

Как много, друг Горацио, у нас

Еще на этом свете белых пятен.

Это стихотворение, как и следующее «Муха в апреле», записаны одно за другим в тетради Руслана, которая помечена: «июль 2010». А прозвучали они, насколько я помню, осенью того же года на открытии сезона в «Дилижансе». Традиционно каждый сезон в «Дилижансе» начинался свободным микрофоном – каждый читал стихи по своему желанию. Об этом вечере у меня сохранилась запись: «В заключение блеснул Руслан. Был в прекрасной творческой форме». Тогда-то он и «показал» стихи про комара и муху (он часто говорил не «прочту», а «покажу стихотворение»).

Последние строчки «Комара» вызвали веселое оживление. Уж очень неожиданным оказался поворот авторской мысли от простецкого комара к гамлетовским высотам.

К следующему стихотворению «Муха в апреле» Руслан взял эпиграф:

...Не убивай меня, казни меня...

О.М.

Надо сказать, я не нашел у О.Мандельштама такой строки. Есть четверостишие воронежского периода, которое начинается похоже:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж, –

Уронишь ты меня иль проворонишь,

Ты выронишь меня или вернешь –

Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож!

Апрель 1935, Воронеж.

Руслан любил поэзию Осипа Мандельштама и хорошо знал именно воронежский период его творчества. Поэтому у меня два предположения по поводу эпитафии: либо Руслан писал его по памяти, либо (что более вероятно) мне просто не попалась эта строка Мандельштама.

Муха в апреле

Не убивай меня, казни меня...

О.М.

1

Сама себе летчик, сама самолет,

Муха кружится по комнате.

Апрельской форелью стучится об лед,

За окнами чужое знакомое.

В сто тысяч фасеток глядит на меня.

Но форточка не открывается,

И муха кружит, кандалами звеня,

И сердце души надрывается.

2

Я «Агния» муху назвал, потому –

Дать имя – задача Адамова –

Домашним животным, живущим в доме,

Еще – за мольбу мандельштамову.

3

И, руки раскинув, кружась и кружа,
Теряя глаголы, причастия,
Желанья и смыслы находит душа,
Вопросы о сущности, в частности:

Зачем-то в апреле мне муха дана.

Зачем-то же послана Агния.

«Посланник» – по-гречески «ангел»... Она?!

Кто видел, как выглядят ангелы?!

И опять последние строчки развеселили всех, кто был на «Дилижансе». Вот такой наивный вопрос: «Кто видел, как выглядят ангелы?». Оба стихотворения понравились – и шуточный тон, и неожиданные окончания, и знакомая руслановская интонация, и серьезные мысли, скрытые за иронией.

Что интересно, в одной из тетрадей Руслана есть вариант третьей части стихотворения, который был написан, а потом зачеркнут:

3

Мумуха не Муза, но мысль повело:

Откуда взялось насекомое?

И я, запрокинув лицо в потолок,

Взыскую ответа искомого:

Апрель, но повсюду зимы серебро.

Сибирь – не Европа, не Азия.

«Посланник» – по-гречески «ангел». Вопрос:

Кто знает, как выглядят ангелы?

Ещё есть вариант начала стихотворения, там автор называет муху не «Агния», а «Мумуха».

(В голову лезет назойливая мысль: не Бродский ли навел Руслана на эту занимательную энтомологию? У него ведь есть большое стихотворение (или маленькая поэма) про муху. Да и о комаре тоже есть. Может, запали они в сознание Руслана и вылились в стихи? С другой стороны, как поэт, Руслан абсолютно самодостаточен и самостоятелен, вполне может сам изобретать сюжеты. Кто поймет творческие искания поэта? На всякий случай, оставлю это маловероятное предположение для себя открытым.)

А вот стихотворение про паука другое. Судя по всему, это одно из последних стихотворений Руслана, потому что оно переписано набело в тетрадь с пометкой «апрель 2013». (Напомню: Руслан ушел от нас в июне 2013 г.) Наброски его, во многих местах исчерканные, есть в другой тетради, вероятнее всего, этого же времени.

Паукан

У меня под потолком давным-давно нависает паутина.

Не хватаюсь ни за веник, ни за швабру – не тревожу инвентарь.

Хоть я лично с пауканом не знаком, я похожая скотина:

Повисаю, зависаю, в словеса плету кириллицы букварь.

И покуда меня терпят, не сметают и не топчут, только плющат,

Паукан под потолком будет быть, будет есть, висеть и пить.

Пусть из санэпидемстанций ходят мимо злые люди-чистоплюи,

Не пущу его обидеть словом-делом, даже взглядом оскорбить.

Злой безудержный восторг молодого заводного носорога,

Все сметая на пути, не затронет паукана никогда.

Никакой евроремонт не пущу даже близко до порога,

И австрало- да и азиоремонта ждет такая же беда.

Объявляю мораторий и табу на попытку нарушения

И вторжения в пространство изнутри живорожденных паутин.

Под него не попадают только мухи пищевого назначения,

Только мухи, только муза, только ветер, только радость, только стих.

Есть в этом стихотворении шуточные интонации: и нарочитая простоватость рассказчика, и то, что какое-то неприглядное насекомое он числит своим близким другом, и то, что паука называет на новорусский крутой манер «Паукан» (типа Вован, Костян). Но в целом оно более чем серьезно. Всегда трудно объяснить, чем именно тебе понравилось какое-то стихотворение. Прочитав, я сразу занес его в число лучших произведений Руслана Сидорова. Думаю, это одно из самых глубоких его стихотворений. В чем-то, может быть, даже программное. Читая его, постепенно понимаешь, что, в сущности, оно про поэта. Про то, что в «живорожденную» душу поэта не допускаются ни гламурные украшательства-ремонт, ни ревнители-чистоплюи, в нее вхожи «только муза, только ветер, только радость, только стих». И беззащитного паука герой полюбил за какую-то эфемерную схожесть судеб («... я похожая скотина: повисаю, зависаю, в словеса плету кириллицы букварь...»).

Признаюсь, первое же прочтение оказало на меня ошеломляющее воздействие. Я тут же позвонил нескольким знакомым, мнение которых для меня важно. Даже прочитанный по телефону «Паукан» вызвал такое же ошеломление. Рискну утверждать: перед нами одно из лучших поздних стихотворений Руслана Сидорова.

В качестве послесловия хочу вернуться к комарам. Эти кровопийцы – нередкие персонажи тех руслановских стихов, где речь идет о вечере, лесе, костре, реке, рыбалке. И здесь Руслан пишет о них с такой теплотой, я бы даже сказал – нежностью, что не сразу поймешь, что перед тобой – природная или любовная лирика.

... Я сплю, и загадочный лунный загар

Сквозь кожу ложится на сон.

И, кровь голубую отведав, комар

Недоумекает лицом...

... И за десять шагов комара,
И на том берегу писк упорный(?).
Глушь и тишь – первосозданный храм,
Чья акустика нерукотворна...

... Как повеет под вечер полынью духмяной,
остывая от ржавой жары,
синий вечер от речки и перечной мяты,
под сурдинку нудят комары...

... Все родное. Я всех комаров
Здесь в лицо и по имени знаю.
И они меня нежно пронзают
В благодарность за хлеб и за кров.

Вот наглядная разница между «нормальным» человеком и поэтом.
«Нормальный» человек не может любить комаров. Поэт – может. Поэт может всё.

МЫ БЫЛИ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

(5 ЧАСТЬ)

С.И.ГРИНБЕРГ

Влияние или подражание?

Иногда на «Дилижансе» возникал разговор о влиянии одного поэта на творчество другого. Хорошо это или плохо? Я думаю, ничего плохого в этом нет. В союзники возьму Иосифа Бродского:

«Подлинный поэт не бежит влияний и преемственности, но зачастую лелеет их и всячески подчеркивает. Нет ничего физически (физиологически даже) более отрадного, чем повторять про себя или вслух чьи-либо строки. Боязнь влияния, боязнь зависимости – это боязнь – и болезнь – дикаря, но не культуры, которая вся – преемственность, вся – эхо».

(Из эссе «Примечание к комментарию»).

Итак, если согласиться с И.Бродским, влияние одного поэта на другого – явление вполне нормальное.

Но иногда мы пренебрежительно говорим про какого-то стихотворца, что он «подражает» классику, пишет «под Цветаеву», «под Мандельштама». Где разница между влиянием и подражанием?

Я думаю, разница здесь такая же, как между разведчиком и шпионом. Т.е. граница проходит в голове читающего в соответствии с его пристрастиями.

В раннем творчестве Руслана Сидорова заметно влияние Иосифа Бродского. Ничего удивительного в этом нет, если вспомнить страстную увлечённость и трепетное отношение Руслана к своему кумиру. К тому же «разрешённый» в конце 1980-х годов И.Бродский оказал мощное влияние на всю русскую поэзию рубежа XX и XXI веков.

Разбирая многочисленные тетради со стихами Руслана, я нашёл три стихотворения, которые меня озадачили. Дело в том, что они очень похожи на стихи других поэтов.

Вот стихотворение Руслана, найденное в одной из его записных книжек:

* * *

После престо анданте

Поцелуев в тишине

Белым в полной темноте

Просто ню на простыне

Флоксов ветреных в окно.

Воздух полный и густой.

Мы одни и мы одно
С тишиной и темнотой.

]И луна, и свет луны,
И сонаты лунный звук –
Атрибуты тишины
Бесконечности вокруг

Душ, лишенных улиц уз,
Тел двоих без ничего,
Сокровеннейший союз,
По-простому – естество.

Распахнув глаза трюмо,
Наблюдаю, как нигде
Раньше, явно – путь домой,
Возвращение в Эдем.

Я никто и ты никто...

А вот несколько строф из стихотворения И.Бродского «В горах»:

...На ночь снятое пальто.
Трепыханье фитиля.
Ты – никто, и я – никто;
дыма мёртвая петля...

... Чем объятие плотней,
тем пространство сзади – гор,
склонов, складок, простыней –
больше, времени в укор...

... Снятой комнаты квадрат.
Покрывало из холста.
Геометрия утрат,
как безумие, проста...

... ночью, мира на краю,
раскаляясь добела,
жизнь моя на жизнь твою
насмотреться не могла...

Как видим, оба стихотворения очень близки по настроению, интонации.

Могу точно сказать, что «В горах» было знакомо Руслану. Однажды у нас был разговор именно об этом стихотворении.

В тетради Руслана, помеченной «Апрель 2013», есть любопытный набросок:

* * *

(«Качает» - зачеркнуто). Весенний ветер, тоненькие ветки,
Осыпанные прошлогодним клёном(?).
Пришла пора проклюнуться зелёным,
Пришла пора проснуться всем влюблённым.

Разве я знаю, отчего я плачу.
Я только петь и умирать умею.
Прости меня. Я не могу иначе.
И не зову. Не плачу. Сожалею.

Сравним это с ранним стихотворением Осипа Мандельштама:

* * *

Качает ветер тоненькие прутья,
И крепнет голос проволоки медной,
И пятна снега – яркие лоскутья –
Всё, что осталось от тетради бедной...

О небо, небо, ты мне будешь сниться,
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

Жемчужный почерк оказался ложью,
И кружева не нужен смысл узорный,
И только медь – непобедимой дрожью –
Пространство режет, ниже бисер чёрный.

Разве я знаю, отчего я плачу –
Я только петь и умирать умею.
Не мучь меня: я ничего не значу
И чёрный хаос в чёрных снах лелею.

Не правда ли, обнаруживается удивительное сходство, вплоть до словарного?

По каким-то причинам О.Мандельштам не печатал своё замечательное стихотворение полностью. При его жизни печаталась лишь вторая строфа («О небо, небо, ты мне будешь сниться...»), которая и известна большинству читателей. Полностью стихотворение можно найти в собрании сочинений в разделе «Ранние редакции некоторых стихов».

Осип Мандельштам был одним из любимых поэтов Р.Сидорова, и Руслан хорошо знал его творчество. На одном из «Дилижансов» в апреле 2012 года был разговор именно об этом стихотворении. Т.е. Руслан знал весь его текст.

И ещё два небольших стихотворения, записанные подряд в одной из тетрадей Руслана:

* * *

Сиреневеет вечер. Речь

Звучнеет. Жалостней шансон.

Смешались все. Варяг и Греч.

Булгарин. Чехов. Колесо

Обозревает Вавилон.

Плывет сиреневый туман.

Собачка с девочкой незлой.

Пятиэтажные дома.

Фантом, плывущий подшофе.

Ночь. Площадь. Музыка. Фонтан.

Шансон несется из кафе,

Что называется шантан.

* * *

Снег идет, как миллионы лет.

Засыпает крыши, сны и лед.

И поет в печной трубе кларнет –

Пламенное ветрено поет.

Для сравнения приведём первую и последнюю строфы из стихотворения замечательного поэта-эмигранта Бориса Поплавского «Чёрная мадонна», очень популярного в 1930-е годы в парижских кругах русской эмиграции:

* * *

Синевели дни, сиреневели,

Тёмные, прекрасные, пустые.

На трамваях люди соловели,

Наклоняли головы святые...

.....

... И сквозь жар ночной, священный, адный,

Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,

Запорхает белый, беспощадный

Снег, идущий миллионы лет.

И здесь мы видим сходство стихов Р.Сидорова и Б.Поплавского, сходство по интонации, содержанию, словарю (дни сиреневели – сиреневеет вечер, поёт кларнет, снег, идущий миллионы лет).

Борис Поплавский – одна из самых трагических фигур эмигрантской поэзии. Поэт, писавший «странные» стихи, вся жизнь которого уместилась в тридцать два года. Поэт, с кем связывали надежды русской поэзии, в ком видели продолжателя блоковских традиций, «царства монпарнасского царевич», как сказал о нём Н.Оцуп.

На вечере поэзии Б.Поплавского в «Дилижансе» в мае 2011 года Руслан выступал очень эмоционально. Он рассказал, что у него была мысль сделать вечер трёх Борисов – Пастернака, Поплавского, Рыжего. Тогда же Руслан прочитал стихотворение – нет, не Поплавского, а Бориса Рыжего:

* * *

Скажи мне сразу после снегопада –

мы живы или нас похоронили?

Нет, помолчи, мне только слов не надо
ни на земле, ни в небе, ни в могиле...

.....

... В снежки играют мокрые солдаты –
они одни, одни на целом свете...

Как снег – чисты, как ангелы – крылаты,
ни в чём не виноваты, словно дети.

Здесь, как сказал Руслан, у Б.Рыжего ясно слышны мотивы Б.Поплавского,
точнее – строчка из его стихотворения:

* * *

... Зажгите свет, так рано потемнело,

С домов исчезли яркие плакаты.

Ночь на мосту, где, прячась в дыме белом,

В снежки играют мокрые солдаты...

(Прошу отметить следующее: Б.Рыжий создал стихотворение, используя строчку
Б.Поплавского. К этому вернёмся чуть позже).

Как видим, у Р.Сидорова есть наброски стихов, явно связанных со
стихотворениями трёх поэтов, которых Руслан любил и хорошо знал. Это не
может быть случайным.

Сразу скажу, что мысль о простецком подражании известным поэтам я отмечаю
сразу. Не такой поэт Руслан Сидоров, чтобы писать серьёзные стихи «под
Мандельштама» или даже «под Бродского». Здесь что-то другое. Что именно?
Трудно сказать наверняка. Можно лишь сделать некоторые предположения.

Можно представить, например, что Руслан, не помня стихотворения наизусть,
пытался «воссоздать» его по памяти, придумывая забытые строки. Или пробовал
в качестве поэтической тренировки писать в стиле другого поэта (для себя, только
для себя, он ведь никому не показывал эти вещи). А может, пытался построить
стихотворение, используя строчки других поэтов (немного раньше я просил не
забыть, что именно так поступил Борис Рыжий). Или же писал эти стихи
(наброски, черновики) «под влиянием» Бродского, Мандельштама, Поплавского?
Под тем самым влиянием, о котором говорил Иосиф Бродский.

В любом случае, можно сказать, что эти три наброска стихотворений «навееаны» творчеством И.Бродского, О.Мандельштама, Б.Рыжего.

Обсуждая всё это с друзьями, хорошо знавшими Руслана, я услышал любопытную версию, которая поначалу показалась мне совершенно неправдоподобной. Заключалась она в том, что для Руслана эти (и, может быть, другие) поэты были живыми, и он разговаривал с ними, как с собеседниками. Я тут же возразил, что Руслан был реалистом и никогда всерьёз не воспринимал спиритизм, мистику, реинкарнацию, магию, эзотерические учения и тому подобное.

Однако стоит ли быть таким категоричным? Кто знает, что творится в воображении поэта? И стоит ли всегда подходить рационально и объяснять логикой душевные движения человека, особенно поэта? Вспомним: каждому любящему поэзию знакомо это удивительное чувство собеседника, когда, читая стихи, иногда почти физически ощущаешь присутствие автора. Будто не ты, а он, автор, читает тебе свои стихи, сидя напротив, и разговаривает с тобой, как с другом. Может, об этом писал Георгий Иванов:

... Помни, что тебя я называю другом,

Зная, что не встречу нигде и никогда...

Это ведь будущего своего читателя поэт назвал другом. Каждого, кто читает его стихи.

МЫ БЫЛИ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

(6 ЧАСТЬ)

С.И.ГРИНБЕРГ

Чай

Друзья Руслана знают, что он был любителем, ценителем и настоящим знатоком чая. Предпочитал зелёный, но пил и чёрный, и травяной. На наших скромных чаепитиях в «Дилижансе» заваривал в чашке крупнолистовой зелёный. Подносил чашку к лицу, вдыхал аромат, пил маленькими глотками. Выпив, «женил», то есть доливал кипятка, настаивал, закрыв чашку салфеткой. Как истинный ценитель, к чайным пакетикам относился с пренебрежением, но, если не было листового чая, заваривал сразу два-три пакетика зелёного.

В конце вечера в «Дилижансе» руководительница клуба Н.Г. Кретова обычно вручала ведущему небольшой подарок – книжку, шоколадку, коробочку конфет. Зная пристрастие Руслана, мы не удивлялись, когда после авторского вечера ему частенько презентовалась пачка хорошего зелёного чая.

Среди тетрадей Руслана мы нашли его юношеский дневник 1985-86 гг. Он охватывал период поступления после школы в Кемеровский университет и учёбу на первом курсе. Среди ярких событий студенческой жизни и размышлений о себе много записей в дневнике посвящено чаю, из чего можно сделать вывод: уже в шестнадцать лет Руслан был знатоком и любителем этого напитка.

Из дневника:

16.08.85. (Кемерово). Сейчас чаёк, наверное, заварился уже. Для справки: чай, в/с, Тб., чаеразв. ф-ка. Хороший чай!

А заварился батум(ской) ф-ки. .

Попил. Дрянной чаишко.

18.08.85. (Кемерово). Чифиру напился. Потребление чая я здесь никак не могу регулировать. Не нормируется. Дома хорошо было – заварил чашечку, и кроме неё больше в этот день ничего не пьёшь. А здесь: ты заварил банку. Выпил. Другие заварили. Ты с ними пьёшь. И в день приблизительно четыре нормы прежних незаметно выпивается. Надо избавляться от этого. Здоровье мне дорого.

20.08.85. (Калачёво). ... я так в баньке напарился! Душа с телом до сих пор оду «К радости» поют... А сейчас чайком из чабреца со зверобоем балуюсь. И Шукшиным заодно упиваюсь.

2 октября 1985. (Кемерово). Приеду домой. Пойду в лес, на бережок Поварки. Сяду. Возьму тетрадь с собой. Стану писать лес.

А ещё я дома чай буду пить в своём кресле. Сначала буду вдыхать его аромат, потом подую, а потом выпью.

Наверное, днём – индийский, а вечером – цейлонский. А на следующий день буду пить «Экстру». Я ведь теперь в чаях богатый.

А потом пойду по друзьям

Конец октября 1985. (Кемерово). Сейчас пойду заварю чайку и приду размышлять на тему завтрашнего диспута.

В дневнике часто встречаются подобные записи – «заварю чай и начну...», «попью чайку и пойду...». Человек, ведущий дневник, не станет записывать в него повседневные, привычные дела вроде «надел рубашку...», «уходя, закрыл дверь на ключ...». Ясно, что для шестнадцатилетнего Руслана чай – не просто утоление жажды или обычное завершение завтрака. Это и удовольствие, и серьёзное, значительное, даже сакральное действие. Чаепитие может сопровождать какое-то занятие, например, чтение Шукшина. Может предшествовать серьёзному делу, скажем, подготовке к диспуту. А может и просто быть частью блаженного состояния и напряжённых размышлений. И заметим, что любимый напиток Руслан часто называет ласково-уменьшительно «чаёк».

1 декабря 1985. (Калачёво). И вот я снова за круглым столом. Топится печь в кухне, и слышно, как свистит на ней чайник.

10 декабря 1985. (Кемерово). Сейчас допью чаёк и поговорю с тобой, Руслан.

Конечно, в дневнике Руслан записывает радостные события: поездки из Кемерово домой, встречи с друзьями, студенческие вечеринки, Новый Год. Вот один из таких праздников:

9 января 1986. Праздник у меня! Мне принесли индийский чай самого высшего сорта, королевский чай! Дункан. Попробую.

В дневнике появляются робкие юношеские стихи Руслана. И одно из них посвящено чаю.

15 января 1986.

Чаю

(Четверостишье посвящаю

Прекрасному напитку – ЧАЮ!)

Ты в грустную минуту – мне товарищ.

И в час подъёма и веселья – ты мой друг.

Меня, я верю, никогда ты не оставишь,

Мой ароматный, крепкий и бодрящий друг.

Эти дневниковые записи интересны тем, что говорят о трепетном отношении к чаю ещё совсем юного Руслана. Можно выпить чай на ходу, второпях, а можно, сидя в любимом кресле и отрешившись от всего, сначала вдыхать его запах, потом подуть и лишь после этого пить. Можно заварить любой чай, подвернувшийся под руку, а можно днём – индийский, вечером – цейлонский, а на завтра – «Экстру». Можно пить и ни о чём не думать, а можно пить и читать Шукшина. Можно просто поблагодарить друзей, принёсших пачку чая, а можно назвать этот день праздником.

В той же тетради шестнадцатилетний Руслан написал небольшой рассказ «Банька». Юный автор (повествование ведётся от первого лица) приезжает в гости к старику Макарычу. Пребывание в гостях начинается с чаепития. У Макарыча чай – это ритуал, священнодействие, это встреча дорогого гостя и начало мужского разговора.

Но наконец Макарыч успокаивается. Усаживает меня за стол.

– Сейчас чайку придумаем. Вот. С мёдом. Это с морозу очень даже полезно тебе будет. Вот.

Чай у Макарыча я люблю. Он туда «для особого скусу и духмяности» каких-то ещё травок подсыпает. Отличный чай получается! А если его ещё со свежим липовым медком соединить, то... М-м!..

За окном холодная зимняя ночь. Мороз на улице. А в избе тепло. Макарыч только что угля подсыпал в печь. На столе горячий чай, мёд. Больше ничего. Тихо. Макарыч терпеливо молчит, пока я пью чай. Но вот я отодвинул стакан, и старик забрасывает меня массой вопросов. Первый – традиционный.

– Что у вас там, в городе нового?

Потом, после бани герои снова пьют чай – это блаженство и, опять же, важная часть серьёзной беседы.

Потом с Макарычем пили его чай с мёдом. Он мне рассказывал про своего фронтового товарища. Как тот воевал, был ранен, лежал в госпитале. Опять воевал, ещё одно ранение, плен, побег. Его поймали, били, отправили в другой лагерь. Снова побег, и снова он воюет. Очередное ранение, госпиталь, передовая... Тот парень погиб в Берлине за три дня до Победы. Шёл ему тогда двадцать первый год.

Прошли годы. Руслан стал поэтом. Привязанности и пристрастия поэта косвенно или прямо отражаются в его творчестве. На протяжении всей короткой жизни любимый напиток – чай – сопровождал Руслана не только в жизни, но и в его стихах. Упоминания о нём рассыпаны в десятках стихотворений.

... Хочу, чтобы лето сейчас,

И столик в саду меж сиреней,

И ты бы варила варенье,

А я бы заваривал чай...

... Жёлто-лимонные розы

В банке из-под огурцов

С древней наклейкою «Globus».

Розовый чай с чабрецом...

... Вот и вечер. Отброшен дочитанный том.

Чёрным чаем подводишь итог.

Чёрным чаем встречаешь кромешную ночь...

... А потом, подметая локтем хлам настольный,

Пить чаёк с иван-чая листа...

... И чайники чёрных чаек

Опускаются на дно...

... Ставь самовар Башлачёва, хозяйка,

Гостя хорошего гостем встречайте.

Душам без Господа, Господи, зябко.

Выпьем-ка чаю.

... А прокричат три раза петухи –

В трёхмерный мир квартиры возвращался.

Полпачки сигарет, полпачки чая

Ушли за ночь и вышли на стихи.

Чай

Коллоидный раствор листа

Чуть мутноват, коричневатый.

Лист снят с китайского куста.

Прогонит прочь придурковатость.

Природа терпит пустоту
Не долее долей секунды.
А вслед неведомо откуда
Ангел-творитель тут как тут.

Ангел-творитель – он же мой
Пока еще хранитель-ангел.
Попишем – улетит домой
Спать в жестяной китайской банке.